

ГАЗЕТА №57 (сентябрь)

МИНТОР

РУССКИЕ ОСЕНИНЫ: КАК НАШИ ПРЕДКИ ВСТРЕЧАЛИ ЗОЛОТУЮ ОСЕНЬ

Праздники народного календаря редко были просто поводом отдохнуть от повседневных дел. Они помогали деревне жить в согласии с природным ритмом, распределять работу, поддерживать связь между поколениями и замечать смену времени. Для человека традиционной культуры осень не начиналась по листку календаря: её приход определяли убранные поля, холодные ночи, утренние туманы, созревшая рябина, пустеющие дороги и первые

заботы о зимнем запасе. Сентябрь в этом смысле был месяцем перехода - от открытого пространства поля к дому, от жатвы к рукоделию, от летней работы к семейному кругу. Главным знаком этого перехода становились Осенины. Осенины отмечали 14, 21 и 27 сентября. В разных местах эти дни могли называться по-разному: Оспожинки, Дожинки, Богородицкая, Матушка-осенина, праздник нового хлеба. В названиях слышится и связь с завершением жатвы, и церковный

календарь, и глубокая народная привычка воспринимать землю как кормилицу. Традиция не была единообразной: в северных селениях она отличалась от южнорусской, в Поволжье — от Сибири, а в казачьих станицах - от деревень центральных губерний. Но общий смысл сохранялся: лето завершено, урожай собран, впереди зима, а значит, пора благодарить за прожитый год и проверять, готов ли дом к холодам.

Продолжение на стр.2

Продолжение. Начало на стр.1

Первый осенний рубеж приходился на Семёнов день, 14 сентября. В церковной традиции он связан с памятью Симеона Столпника и началом нового года по старому церковному счёту. В народном представлении Семён Летопроведец провожал лето. С этого времени могли начинаться посиделки, когда после полевых работ девушки и женщины собирались в избе с прялками, шитьём или вязанием. Молодёжь приходила не только помогать по хозяйству: здесь пели, рассказывали истории, присматривались друг к другу, договаривались о будущих сватовствах.

Осенние вечера становились временем, когда труд и общение не разделялись.

Семёнов день напоминал, что в традиционной культуре почти не существовало досуга в современном смысле. Даже праздник был встроен в хозяйственный год. Люди отдыхали, но не выпадали из общего порядка жизни. Девушки пряли, женщины готовили запасы, мужчины чинили инвентарь, заготавливали дрова, утепляли избы, приводили в порядок дворы. Песни и разговоры сопровождали работу, а не заменяли её. В этом ритме не было идиллии: крестьянский труд был тяжёлым, зависел от погоды, болезней, урожайности и множества обстоятельств, на которые человек почти не мог повлиять. Но народный календарь давал ощущение порядка: у каждого дела было своё время, а у каждого времени — свои обычаи.

Главными Осенинами считали 21 сентября, день Рождества Пресвятой Богородицы. В народной речи этот праздник связывали с окончательным прощанием с летом: «Всякому лету аминь». Слова звучат торжественно, но в них нет обречённости. Лето уходило не как потеря, а как завершённый трудовой круг. Поле отдавало хлеб, огороды — овощи, лес — ягоды и грибы, луга — сено. Теперь важно было сохранить собранное, разумно распределить запасы и поблагодарить тех, с кем прожит год.

Праздничный стол на Осенины не был витриной изобилия. Даже в удачные годы крестьянская семья жила расчётом, а после неурожая или болезни запасов могло не хватить до весны. Поэтому хлеб, пироги, каша, мёд, овощи нового сбора имели особый смысл. Они были не декоративными символами, а результатом многомесячной работы. Пекли хлеб из новой муки, готовили угощение для родных, приглашали соседей, принимали странников и тех, кто нуждался в помощи. Щедрость не воспринималась как противоположность хозяйственности. Напротив, умение поделиться частью урожая считалось признаком прочного дома и доброго имени.

В некоторых местах утром женщины выходили к воде — к реке, озеру или ручью — с овсяным хлебом и киселем. Молодая женщина держала хлеб, старшая исполняла песню, а затем хлеб делили между участницами обряда и отдавали домашнему скоту. В этом обычае заметно соединение разных культурных слоёв. Христианский праздник Рождества Богородицы существовал рядом с более древними представлениями о земле, воде, плодородии и женской защите дома. Упрощать эту связь до противостояния «языческого» и «церковного» было бы неверно. Народная культура складывалась веками, и в ней разные традиции не просто сменяли друг друга, а переплетались, приобретая новые значения.

Осенины особенно ясно показывают, что народный

праздник был делом семьи. Молодые супруги, недавно отделившиеся от родителей, приглашали старших в дом. Хозяйка угощала гостей, а хозяин показывал двор, скот, хозяйственные постройки, запасы. С современной точки зрения такая процедура может показаться простой демонстрацией достатка. Но её смысл был глубже. Молодая семья предъявляла себя общине как самостоятельный дом: она брала на себя ответственность за хозяйство, продолжала родовую линию, принимала советы старших. Родители в свою очередь не только оценивали порядок, но и благословляли молодых, помогали им опытом, поддерживали в случае нужды.

В старой деревне человек редко существовал как отдельная от семьи и соседей единица. Его благополучие зависело от близких, от отношений с общиной, от готовности других прийти на помощь. Поэтому осеннее гостевание не было пустой формальностью. Оно укрепляло связи, которые могли понадобиться зимой: если заболит хозяин, если погибнет скот, если не хватит дров или муки, если нужно будет присмотреть за детьми. За праздничным столом подтверждалась простая, но важная мысль: дом держится не только стенами и запасами, но и людьми вокруг него.

Осень была временем свадеб. Летом крестьянин был слишком занят полем, сенокосом, жатвой и заготовками. После сбора урожая появлялась возможность устраивать многодневные торжества, принимать гостей, готовить угощение. Начинался период смотрин, сватовства, договорённостей между семьями.

Молодёжные посиделки имели поэтому особую роль. Это были не только вечера песен и игр, но и пространство, где формировались будущие семьи. Деревенская жизнь знала строгие правила, но умела оставлять место шутке, состязанию, песне, танцу, умению красиво говорить и держаться среди людей.

В народных песнях осень часто предстаёт не просто временем года, а живым гостем. Её встречают, угощают, просят дать хороший урожай, сохранить дом и здоровье. Такой образ не означает, что люди буквально воспринимали время года как человека. Он помогал выразить зависимость от природного цикла и сделать эту зависимость понятной. Когда урожай зависит от дождя, солнца, ветра, сроков сева и множества случайностей, человеку необходимо не только работать, но и находить язык для благодарности, тревоги и надежды. Обряд, песня, общая трапеза становились таким языком.

Третьи Осенины, 27 сентября, приходились на Воздвижение Креста Господня. В народных представлениях этот день окончательно закреплял перемену сезона. Говорили, что «на Воздвижение осень к зиме сдвигается». К этому сроку старались завершить часть работ на огороде, убрать капусту, заняться её рубкой и засолкой. Капустные вечерки, или капустники, были заметной частью осеннего быта. Девушки собирались в домах, рубили капусту, пели, а вечером приходили парни. Работа превращалась в общение, а общение не отменяло работы. Так домашнее дело становилось поводом для общей жизни.

Капуста в крестьянском хозяйстве имела особое значение. Её легко было хранить, она помогала пережить зиму, входила в повседневный рацион и праздничную кухню.

Продолжение на стр.4

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ ЗА РУБЕЖОМ

БОЛГАРИЯ: ПАМЯТЬ О РУССКИХ ВОЙНАХ И БОЛГАРСКИХ ОПОЛЧЕНЦАХ

На вершине Крыстец в Габровской области открыли памятную плиту русским воинам и болгарским ополченцам, сражавшимся здесь в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Церемония состоялась в 149-ю годовщину боёв на Шипке при участии посла России Элеоноры Митрофановой, дипломатов, представителей болгарских властей и общественных организаций.

Летом 1877 года Крыстец обороняли болгарские ополченцы и подразделения русской армии, обеспечивая восточный фланг Шипкинского направления. Новый памятный знак стал напоминанием об общей истории двух народов и установлен на популярном туристическом маршруте.

КОЛУМБИЯ: КСОРС ПОДАРИЛ ДЕТЯМ ПРАЗДНИК В ТРУДНОЕ ВРЕМЯ

В Кали более 100 человек приняли участие в гуманитарной акции КСОРС Колумбии, организованной при поддержке российских соотечественников, друзей организации и волонтеров. Особое внимание уделили детям, пережившим последствия землетрясения, некоторые из которых были спасены из-под разрушенных зданий.

Для ребят устроили праздник с играми и конкурсами, угостили напитками и выпечкой, подарили книги и призы. Организаторам удалось обеспечить логистику и безопасность мероприятия при содействии местных властей. Акция прошла при тесном взаимодействии КСОРС с Посольством России, которое координирует с организацией помощь людям в условиях чрезвычайной ситуации.

РУМЫНИЯ: СООТЕЧЕСТВЕННИКИ ПОЧТИЛИ ПАМЯТЬ СОВЕТСКИХ ВОИНОВ В ЯССАХ

В Яссах состоялось памятное мероприятие по случаю 82-й годовщины Яско-Кишиневской операции и народного восстания 23 августа 1944 года. На кладбище «Вечность» участники возложили цветы к мемориалу советских воинов. В церемонии приняли участие российские соотечественники, представители румынских общественных организаций и академического сообщества, а также Посол России Владимир Липаев. Глава российской дипмиссии подчеркнул зна-

чение событий августа 1944 года для Румынии и Европы и отметил роль стремительного наступления Красной Армии в успехе восстания.

ЛИВАН: ПАМЯТЬ БЕСЛАНА КАК УРОК ДЛЯ НОВЫХ ПОКОЛЕНИЙ

В начале сентября прошла встреча, посвящённая Дню солидарности в борьбе с терроризмом и трагическим событиям в Беслане. В дискуссии участвовали представители молодёжных организаций из Ливана. С ливанской стороны выступили координаторы и активисты молодёжного движения и члены экспертного совета при комиссии по работе с молодёжью.

Участники обсудили значение исторической памяти, важность сохранения правды о терактах и необходимость доносить эти уроки до новых поколений. Особое внимание уделили тому, как память о жертвах помогает формировать ответственное отношение к безопасности и миру. Мероприятие было организовано при поддержке профильной комиссии по взаимодействию с молодёжью. В завершение участники поблагодарили организаторов за возможность совместно сохранить память о трагедиях, которые нельзя забывать, и подчеркнули ценность международного диалога в этой сфере.

БЕЛАРУСЬ: СООТЕЧЕСТВЕННИКИ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ В ОТКРЫТИИ ФОТОВЫСТАВКИ КО ДНЮ ФЛАГА РОССИИ

В Генеральном консульстве России в Гродно состоялось открытие фотовыставки, посвященной Дню Государственного флага РФ. В мероприятии приняли участие представители «Русского общества», российские соотечественники, иностранные студенты и официальные лица. Генеральный консул России в Гродно Андрей Варламов отметил значение государственного флага как символа единства и преемственности. Участие соотечественников стало частью работы по сохранению культурных связей и развитию гуманитарного сотрудничества между Россией и Беларусью.

Продолжение. Начало на стр.1,2

Заготовка капусты требовала времени и участия нескольких человек. В этом была практическая причина общих вечёрок, но не только она. Совместная работа учила распределять обязанности, поддерживать разговор, слушать старших, соблюдать неписанные правила гостеприимства. Народная культура существовала не в виде отдельного свода обрядов, а в повторении таких привычных действий: вместе убрать урожай, приготовить еду, спеть песню, проводить лето, встретить зиму.

Осенний календарь был богат и другими датами. На Феклу Свекольницу в начале сентября собирали свёклу; на Лупа Брусничника — бруснику; на Куприяна — клюкву; на Федору — рябину. В каждом из таких названий видна связь дня с реальным хозяйственным делом. Народный календарь помогал запоминать, когда начинать сбор, какую работу не откладывать, как наблюдать за погодой. Пословицы и приметы часто кажутся современному читателю наивными, но за ними стоит многолетнее наблюдение за природой. В условиях, где не было метеосводок, человек учился замечать высоту полёта птиц, направление ветра, утренние туманы, поведение животных, состояние леса и воды.

При этом не стоит представлять крестьянский календарь как безошибочную энциклопедию природы. Приметы не заменяли знания и не гарантировали урожая. Их сила была в другом: они связывали поколения общим опытом наблюдения. Бабушка передавала внучке не только рецепт заготовки или текст песни, но и умение увидеть, что ночь стала холоднее, что пора убирать овощи, что река начала затягиваться первым льдом. Так культура держалась не только на книгах и храмах, но и на навыках повседневности.

Осенины напоминают и о том, что слово «урожай» в старой России никогда не было отвлечённым. За ним стояли здоровье семьи, возможность пережить зиму, судьба домашних животных, отношения с соседями. Плохой год мог

означать долги, голод, отъезд на заработки, ранние смерти. Хороший давал передышку, шанс выдать детей замуж или женить сыновей, отремонтировать дом, купить нужную вещь. Поэтому праздник урожая не был беспечной ярмаркой. Он соединял радость, осторожность и благодарность. Веселье после жатвы имело право на существование именно потому, что за ним стоял тяжёлый труд.

В XX веке традиционный уклад русской деревни пережил глубокие перемены. Революция, коллективизация, война, индустриализация, массовый переезд в города изменили саму основу народного календаря. Многие обряды исчезли, другие стали частью фольклорных фестивалей, музейных программ и школьных праздников. То, что ещё недавно было естественной частью быта, стало предметом изучения, реконструкции или сценического показа. В этом нет ничего удивительного: культура всегда меняется вместе с образом жизни. Но при таком переходе важно не спутать живую традицию с декорацией.

Народный костюм, каравай, сноп, хоровод, рябина — выразительные образы, которые легко использовать на празднике. Однако они мало значат сами по себе, если не понимать их контекст. Каравай — не просто красивый хлеб, а знак труда и гостеприимства; сноп — не фотозона, а напоминание о жатве; посиделки — не стилизация под старину, а форма совместной работы и общения. Уважительное отношение к традиции начинается не с попытки всё буквально повторить, а с желания понять, для чего это было нужно людям.

Современные Осенины могут стать не реконструкцией «старой деревни», а разговором о том, что в этой культуре остаётся важным для нас. О сезонности и еде, которая не возникает сама собой в супермаркете. О труде, который часто остаётся незаметным.

О семье как пространстве взаимной помощи, а не только личного комфорта. О соседстве и способности делиться. О внимании к месту, где живёшь: к реке, лесу, саду, полю, двору, городской улице. Эти смыслы не требуют надевать народный костюм или говорить искусственно старинным языком.

Сентябрьские праздники народного календаря напоминают о ритме, который современный человек легко теряет. Мы знаем даты в телефоне, но не всегда замечаем, как меняется воздух, когда созревает рябина, почему вечером раньше темнеет и когда приходит время собрать семена с собственного сада. Народная культура не призывает вернуться в прошлое. Она предлагает внимательнее относиться к настоящему: видеть в смене сезонов не фон для дел, а часть собственной жизни.

Осенины — праздник тихой полноты года. Не триумф победителя над природой, а признание зависимости от неё. Не «ярмарка русской старины», а опыт благодарности за собранное и ответственности за будущее. В этом опыте есть то, что остаётся понятным и сегодня: лето заканчивается, дом требует заботы, близким нужно внимание, а хлеб на столе никогда не бывает чем-то само собой разумеющимся.

8 СЕНТЯБРЯ 1941 ГОДА: ДЕНЬ, КОГДА ЛЕНИНГРАД ОКАЗАЛСЯ В КОЛЬЦЕ

8 сентября 2026 года исполняется 85 лет со дня начала блокады Ленинграда. В этот день немецкие войска заняли Шлиссельбург и перерезали сухопутное сообщение города с остальной страной. Ленинград не был полностью изолирован в буквальном смысле: оставалась Ладога, позднее ставшая трассой «Дороги жизни», существовали воздушные маршруты, действовали военные и транспортные коммуникации. Однако связь с Большой землёй оказалась крайне ограниченной и не могла обеспечить продовольствием, топливом и медикаментами многомиллионный город и войска фронта. Блокада продолжалась до 27 января 1944 года; 18 января 1943-го её кольцо было прорвано, но обстрелы и нехватка не прекратились сразу.

О блокаде часто говорят высокими словами — о стойкости, подвиге, несгибаемой воле. Эти слова не ложны, но сами по себе они мало объясняют, как люди жили в осаждённом городе. Документы, дневники и служебные сводки возвращают блокаду из пространства привычных формул в пространство повседневной катастрофы. В них — нормы хлеба, записи о температуре в квартире, списки умерших, распоряжения об эвакуации, попытки найти топливо, сообщения о состоянии предприятий, библиотек, театров и школ. Через эти источники становится ясно: Ленинград выстоял не потому, что страдание стало привычным, а потому, что тысячи людей ежедневно выполняли работу, которую в иных условиях назвали бы невозможной.

К сентябрю 1941 года продовольственное положение уже было крайне тяжёлым. Карточная система действовала с лета, а нормы выдачи хлеба быстро сокращались. В начале сентября рабочие и инженерно-технические работники получали 600 граммов хлеба в день, служащие — 400, иждивенцы и дети — 300 граммов. Через несколько дней нормы снова снизили: рабочим — до 500 граммов, служащим и детям — до 300, иждивенцам — до 250. 1 октября служащие, иждивенцы и дети получали уже по 200 граммов. Необходимо помнить, что хлеб становился почти единственной гарантированной пищей и не был привычным хлебом мирного времени: в муку добавляли заменители, в том числе жмых, отруби и другие примеси.

Самой страшной стала норма, введённая 20 ноября 1941 года: рабочим полагалось 250 граммов хлеба в сутки, служащим, иждивенцам и детям — 125 граммов. Именно эти 125 граммов вошли в коллективную память о блокаде, но они не были символом, а были реальной дневной мерой пищи. Постановление Военного совета Ленинградского фронта от 19 ноября фиксировало новую норму как временную, однако для людей, переживавших первую блокадную зиму, слово «временно» не давало уверенности. Норма начала повышаться только 25 декабря: до 350 граммов для рабочих и до 200 граммов для остальных категорий населения.

Голод нельзя описать одним числом. Он менял всё: способность работать, передвигаться, думать, заботиться о близких. Люди теряли силы в очередях, переставали топить квартиры, потому что не было топлива, разбирали на дрова мебель и книги, носили воду из прорубей и колонок. Смерть становилась частью городского пейзажа, но не становилась от этого менее страшной. Официальные оценки говорят о 641 тысяче ленинградцев, умерших от голода; в ряде исторических подсчётов называется цифра не менее 800 тысяч. От бомбардировок и артиллерийских обстрелов погибли около 17 тысяч жителей. Расхождения в оценках связаны с методикой учёта, утратой и неполнотой документов, а также с тем, кого включают в число жертв блокады. В корректном разговоре о трагедии важно не выбирать «удобную» цифру, а понимать масштаб потерь и основания для разных подсчётов.

Одним из самых известных личных документов блокады остаётся дневник Тани Савичевой. Несколько коротких записей о смерти членов семьи стали свидетельством не только о судьбе одной девочки, но и о разрушении семейного мира, который до войны казался незыблемым. Но блокадная документальная память значительно шире.

Сохранились дневники подростков, рабочих, врачей, учителей, музыкантов, библиотекарей, записи домовых комитетов, сводки районных служб, письма с фронта и служебная переписка.

Продолжение на стр. 8

ЛЮСЬЕНА ОВЧИННИКОВА: КАК СТАТЬ СВОЕЙ ДЛЯ МИЛЛИОНОВ ЗРИТЕЛЕЙ

В советском кино Люсьена Овчинникова никогда не была актрисой недостижимой красоты или холодного звёздного блеска. Она не входила в кадр так, чтобы всё вокруг немедленно замолкало. Её присутствие действовало иначе: фильм словно становился ближе, теплее и достовернее. В ней узнавали не выдуманный экранный идеал, а человека из реальной жизни — подругу, соседку, коллегу, старшую сестру. Возможно, именно поэтому её героини так прочно остались в памяти. 10 сентября 2026 года исполняется 95 лет со дня рождения Люсьены Овчинниковой, актрисы, сумевшей сделать обычную интонацию важнее громких слов.

Она появилась на свет в 1931 году в Олевске, в семье пограничника. Редкое имя — Люсьена — досталось ей от отца, а детство прошло в переездах: служба не позволяла семье надолго задерживаться на одном месте. В подобных биографиях часто ищут готовое объяснение будущего характера: мол, ранняя кочевая жизнь научила самостоятельности, стойкости, способности быстро сходиться с людьми. Вероятно, всё это действительно было. Но важнее другое: Овчинникова вынесла из детства редкое умение не защищаться от мира заранее. Её экранные героини почти всегда открыты людям — иногда себе во вред, иногда смешно,

иногда трогательно.

После войны она приехала в Москву и поступила в ГИТИС. Выбор профессии не был для неё модной мечтой или билетом в другую жизнь. Театр притягивал её всерьёз, как возможность существовать в чужой судьбе и каждый вечер начинать всё сначала. Окончив институт в 1955 году, Овчинникова пришла в Театр имени Владимира Маяковского. Здесь она прослужила семнадцать лет, сыграла около тридцати ролей и прошла ту школу, которая почти не видна зрителю кино, но без которой не бывает точности на экране: ежедневные репетиции, чужая реплика как опора, необходимость держать рисунок спектакля, не выпадая из общего дыхания.

Кино долго не делало её главной героиней. Овчинникова начала сниматься в конце 1950-х, однако режиссёры прежде всего замечали в ней естественность. Она не выглядела нарисованной «советской девушкой» — бодрой, правильной, готовой в любую минуту произнести лозунг. В её облике была живая неровность: чуть насмешливый взгляд, упрямство, смущение, внезапная серьёзность. Первые роли не обещали оглушительной карьеры, но уже тогда было ясно, что она умеет не изображать эмоцию, а давать ей возникнуть внутри кадра.

Фильм «Отчий дом» Льва Кулиджанова стал для Овчинниковой одной из таких ранних работ. Она сыграла Нюру — деревенскую девушку, и в этой роли не было ничего специально «выигрышного». Но актриса не искала эффекта. Её персонаж существовал в своём темпе, с привычной сдержанностью, за которой угадывались характер и пережитое. Для послевоенного советского кино, стремившегося к правде повседневной жизни, такие лица были особенно нужны. Они позволяли зрителю не любоваться экраном, а узнавать в нём собственный опыт.

В 1961 году вышли «Девчата», и Овчинникову узнала вся страна. Сегодня фильм кажется почти неотделимым от своего времени — от снега, общежития, песен, разговоров на кухне и бесконечной веры в то, что жизнь непременно должна сложиться счастливо. Но его долговечность объясняется не только ностальгией. В «Девчатах» есть редкая свобода ансамбля: героини не служат фоном для главной любовной истории, каждая живёт своей жизнью. Катя, сыгранная Овчинниковой, не произносит программных реплик и не совершает поступков, которые принято называть судьбоносными. Но она замечает чужую беду, радуется за подруг, может вспылить, может рассмеяться, может неловко спрятать обиду. В этих мелочах и рождается ощущение настоящего человека. В Катю легко влюбиться как в экранную героиню, но трудно пересказать её «характеристику». Она не укладывается в одну формулу. Овчинникова не нажимает на простодушие, не играет особую «народную» непосредственность.

Продолжение на стр. 7

Продолжение. Начало на стр. 6

Её героиня добра не потому, что сценарий требует образцово-доброты, а потому, что иначе не умеет существовать. Это важное качество актрисы: она не объясняет зрителю, кого и за что нужно любить. Она просто даёт человеку быть перед камерой — со смешным, неловким, раздражающим и тёплым одновременно.

Слава «Девчат» оказалась и счастливым случаем, и рамкой. После такого успеха режиссёры охотно звали Овчинникову на роли, где требовались открытость, жизнелюбие, мягкая комедийность. Она действительно была в этом убедительна, но её возможности были гораздо шире. В том же 1961 году она появилась в «Девяти днях одного года» Михаила Ромма — фильме совсем иной интонации. Здесь нет лёгкости леспромхоза и песен у стола; есть тревожный разговор о науке, риске, ответственности и цене человеческого выбора. Роль Овчинниковой в этой картине невелика, но её присутствие важно: она возвращает историю из мира идей в мир близких людей, которым приходится жить рядом с чужой опасной работой.

В 1960-е Овчинникова снималась много и у разных режиссёров. «Девичья весна», «Верность», «Журналист», «Сильные духом», «Мама вышла замуж» — фильмы разной художественной силы и разного жанра.

В одних она оставалась на втором плане, в других получала возможность раскрыть более сложный материал. Но даже небольшой роли она не придавала случайного характера. Её героини никогда не были просто «подругами главной героини» или «женщинами из коллектива». Она находила для каждой свой ритм речи, способ смотреть, привычку молчать.

Зритель может не помнить имени персонажа, но помнит лицо, которое в нужную минуту вдруг становится главным. Виталий Мельников в «Маме вышла замуж» предложил Овчинниковой материал, в котором не нужно было быть обаятельной для зрителя. Это история о женщине, решившей не отказываться от личной жизни ради чужого удобства.

Её выбор вызывает сопротивление взрослого сына, и бытовой конфликт постепенно становится разговором об одиночестве, праве на счастье и той вине, которую общество легко возлагает на женщину, посмевшую жить не только ради семьи. Овчинникова играет здесь сдержанно, без привычной улыбки. Она не «показывает страдание», а оставляет его в паузах, в коротких ответах, в усталости взгляда. Именно такие работы напоминают, что её дар не исчерпывался лирической комедией.

В «Большой перемене» Овчинникова сыграла Валю — девушку Григория Ганжи. Картина вышла в 1972 году и стала одной из самых любимых советских телевизионных историй. У её популярности есть много причин: узнаваемый школьный мир вечерней смены, великолепный ансамбль, чувство юмора, в котором нет злобы. Но без второстепенных персонажей этот фильм не жил бы так долго. Валя у Овчинниковой — не просто верная возлюбленная героя. Она умеет ждать, сердиться, прощать, не теряя собственного достоинства. В ней нет пафоса, но есть внутренняя прочность. Актриса умеет передать её без объяснений — несколькими

реакциями на слова Ганжи, чуть замедлившейся улыбкой, той паузой, после которой зритель понимает больше, чем было сказано.

Овчинникова принадлежала к поколению актрис, для которых кино не отменяло театр. Экран давал узнаваемость, но сцена оставалась профессиональной опорой. После ухода из Театра Маяковского она служила во Всероссийском театральном обществе, затем — в Театре-студии киноактёра. Внешне эта часть её биографии выглядит менее яркой, чем успех «Девчат» или «Большой перемены», но для самой актрисы она была важна. Театр сохранял привычку к постоянной работе и живому зрителю. В 1973 году Овчинникова получила звание заслуженной артистки РСФСР — признание, которое пришло не за одну роль и не за один фильм, а за долгую, не всегда заметную профессиональную жизнь.

В поздние годы кино предлагало ей всё меньше действительно значительных ролей. Она продолжала сниматься: в «Двадцати днях без войны», «Колыбельной для мужчин», «Приступить к ликвидации», «Валентине и Валентине», «И снова Анискине».

Но сама эпоха менялась, а вместе с ней менялись и способы существования актёра в профессии. Советская студийная система распадалась, привычные труппы теряли устойчивость, новые режиссёры искали другие лица и другую речь. В 1990-е многие артисты её поколения оказались почти невостребованными. Это была не частная неудача, а общая культурная потеря: вместе с ними исчезал тип актёрской правды, основанный на наблюдении, терпении и уважении к обычному человеку.

О судьбе Овчинниковой часто рассказывают в печальном ключе. В таких рассказах обязательно появляются слова «забытая», «недооценённая», «сломленная». В них есть желание восстановить справедливость, но они тоже могут заслонить главное. Овчинникова не была актрисой одного фильма и не растворилась в прошлом.

Её узнают, пересматривают, любят — просто её популярность не похожа на громкую мифологию вокруг некоторых кинозвёзд. Она не требует постоянного подтверждения. Достаточно нескольких минут на экране, чтобы возникло то странное чувство узнавания, ради которого вообще существует кино.

Люсьена Овчинникова умерла 8 января 1999 года в Москве. Ей было 67 лет. После неё осталось много фильмов, но ещё больше — неувимых вещей: интонация, с которой произнесена обычная фраза; улыбка, за которой угадывается растерянность; жест, в котором есть и усталость, и готовность поддержать другого. Такие вещи не вносят в фильмографические таблицы, но именно они делают актёра частью культурной памяти.

Её хочется вспоминать не как «девушку из «Девчат»» и не как печальную историю о невостребованности. Овчинникова была актрисой доверия. Она умела не заслонять собой роль и не превращать экран в зеркало собственного тщеславия. В её персонажах почти всегда оставалось место для зрителя: для его воспоминаний, сомнений, личного опыта. Наверное, поэтому они не стареют.

В каждом новом поколении находят люди, которым понятны и Катина радость, и Валино терпение, и тихая серьёзность женщин, сыгранных Овчинниковой. Она оставила нам не легенду о звезде, а гораздо более редкое наследие — живое человеческое присутствие в кино.

Продолжение. Начало на стр. 5

В этих источниках рядом существуют выдача хлебных карточек, поиски пропавших родственников, занятия в школах, работа заводов и попытки сохранить привычки культурной жизни. Отдельной темой остаётся эвакуация. Она началась ещё в 1941 году, но наиболее масштабной стала в первую блокадную зиму, когда по льду Ладожского озера заработала «Дорога жизни». По сведениям городской эвакуационной комиссии, с 22 января по 15 апреля 1942 года по ледовой трассе вывезли 554 186 человек, в том числе учащихся ремесленных училищ, воспитанников детских домов, студентов, преподавателей и научных работников с семьями. Современные архивные проекты собрали документы о судьбах более 684 тысяч эвакуированных жителей блокадного Ленинграда.

При подсчётах общего числа эвакуированных из города встречаются разные данные, поскольку учитываются различные периоды, маршруты и категории вывозимых — гражданское население, раненые, дети, предприятия.

«Дорога жизни» не была романтическим названием безопасного пути. Это была сложная транспортная система, зависящая от льда, погоды, авиационных ударов, обстрелов, технического состояния машин и человеческих сил. В город по Ладоге везли продовольствие, топливо, боеприпасы и медикаменты; обратно вывозили людей. Грузовики шли по льду в темноте и часто под огнём. Машины проваливались, люди погибали, движение останавливалось и возобновлялось. При этом сама возможность перевозок не означала немедленного избавления от голода: городу требовались огромные объёмы снабжения, а доставляемого по ледовой трассе не хватало, чтобы быстро восстановить мирный уровень жизни.

Наряду с бытовой борьбой за выживание Ленинград продолжал работать. Предприятия выпускали продукцию для фронта, ремонтировали технику, обеспечивали оборону. Эта работа шла в условиях холода, недоедания, постоянной угрозы обстрелов и потери кадров. Оборона города состояла не только из действий войск на передовой. Она зависела от инженеров, железнодорожников, медиков, водителей, пожарных, связистов, рабочих, сотрудников коммунальных служб — от всех, кто поддерживал минимальную жизнеспособность городской инфраструктуры. Архивные документы показывают, что даже в самые тяжёлые месяцы власти пытались одновременно решать задачи снабжения населения, продолжения производства и поддержания городских служб.

Культурная жизнь блокадного Ленинграда не была отвлечённой «красивой страницей» на фоне голода. Она существовала потому, что людям требовались язык, память и формы общения, которые не сводились к борьбе за паёк. Продолжали работать Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина, библиотека Академии наук, городские и районные библиотеки. Издавались книги, создавались плакаты, художники фиксировали жизнь осаждённого города, действовали кинотеатры. По данным архивных выставок, в Ленинграде проходили спектакли, открывались выставки, работали архивы и библиотеки, проводились спортивные мероприятия. Это не отменяло голода и смертности. Напротив, такие формы культурной жизни были частью сопротивления разрушению человеческого

достоинства.

Особое место в блокадной истории занимает музыка. 9 августа 1942 года в Большом зале Ленинградской филармонии прозвучала Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича. Оркестром Ленинградского радиокомитета дирижировал Карл Элиасберг. Музыкантов собирали по всему городу и возвращали с фронта; многие были истощены, часть артистов уже умерла от голода. Исполнение симфонии стало не только концертом, но и событием, обращённым к городу и к противнику. Сигнал трансляции шёл по радио и через громкоговорители. В памяти участников и жителей города этот вечер остался свидетельством того, что Ленинград не превратился в безмолвное пространство осады.

Однако сводить культурную историю блокады к одной Седьмой симфонии было бы неверно. В городе работали артисты Театра музыкальной комедии и Театра Краснознамённого Балтийского флота, звучало радио, выходили газеты, библиотекари выдавали книги читателям, учителя занимались с детьми. Многие академические театры, оркестры, музейные сотрудники и коллекции были эвакуированы, но культурная работа не остановилась. Она меняла форму и масштаб, становилась более скромной, часто буквально зависела от того, хватит ли сил у артистов и слушателей добраться до зала. Но она оставалась частью городской жизни.

Блокада не должна превращаться в удобный сюжет о едином порыве, в котором исчезают различия между людьми и институтами. Это была ситуация, где рядом существовали мужество и отчаяние, взаимопомощь и страх, дисциплина и растерянность, профессиональная ответственность и физическое истощение. Люди спасали соседей, делились последним хлебом, работали в госпиталях и на заводах, но одновременно сталкивались с одиночеством, потерей близких и невозможностью помочь всем. Дневники важны именно потому, что сохраняют эту сложность. Они не дают заменить человеческий опыт готовой формулой.

В 1943 году блокада была прорвана. 18 января войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились в районе Рабочего посёлка № 1, восстановив сухопутную связь с городом по узкому коридору вдоль южного берега Ладожского озера. Вскоре там проложили железную дорогу, что заметно улучшило снабжение. Но Ленинград оставался прифронтовым городом, продолжались обстрелы, жители по-прежнему жили в условиях ограничений. Полное освобождение наступило 27 января 1944 года после Ленинградско-Новгородской операции.

Восемьдесят пять лет спустя начало блокады остаётся не только датой военной истории. Это дата о цене решений, о работе инфраструктуры в экстремальных условиях, о голоде как оружии войны и о пределах человеческих возможностей. Память о Ленинграде требует точности: нельзя заменять документы легендами, а трагедию — торжественными словами.

За цифрами стоят конкретные люди, за карточками — семьи, за дневниками — голоса тех, кому часто не удалось пережить зиму. Поэтому 8 сентября — день не для пафоса, а для внимательного чтения источников и честного разговора о том, как город жил, работал и сохранял себя в условиях почти невозможного.